

А.Н. Хоменко, Н.А. Черемнова
СПОСОБ И ЦЕЛЬ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА

Мошенничество является наиболее криминально-выгодным среди всех форм хищения и имеет тенденцию к росту. Существующая практика применения норм, направленных на уголовно-правовую охрану отношения собственности, в достаточной степени признается успешной. Однако на практике возникают сложности квалификации преступлений, предусмотренных ст. 159 УК РФ, связанные с трактовкой и уточнением объективных и субъективных признаков мошенничества. Актуальными для правоприменителя остаются, во-первых, конкуренция двух способов данного деяния: обмана и злоупотребления доверием, которая в судебной деятельности вызывает правовую неопределенность в выборе одного из них. Во-вторых, обращает на себя внимание тот факт, что у мошенничества не может быть признаков, которых нет в легальном определении хищения. Это, прежде всего, относится к пониманию корыстной цели. Часто судьи вынуждены принимать решение о наличии или отсутствии в действиях лица состава мошенничества не на четких предписаниях закона, а на основе своих личных представлений о корыстной цели или даже интуитивно. Целью работы является выработка предложений по совершенствованию уголовно-правовых мер, направленных на эффективную борьбу с мошенничеством. В основном использовался догматический метод исследования, направленный на изучение юридических понятий уголовно-правовой нормы.

Авторы статьи пришли к выводам: 1) злоупотребление доверием не является альтернативным способом хищения при совершении мошенничества; 2) в основе субъективного признака хищения, в том числе и связанного с мошенничеством, лежит не корыстная цель, а корыстный мотив как внутреннее побуждение к обогащению.

Ключевые слова: мошенничество, уголовное право, хищение, способ, признак, обман, злоупотребление доверием, цель, квалификация, имущество.

Мошенничество является наиболее циничным преступлением среди всех форм хищения. При этом является одним из самых распространенных видов преступлений: по статистике за 2017 г. в среднем регистрировалось одно преступление данного вида каждые три минуты [13]. Криминологический анализ посягательств, связанных с хищениями, также показывает, что наиболее криминально-выгодным является мошенничество. Во-первых, при совершении мошенничества, как правило, похищается самое ликвидное имущество – деньги. Во-вторых, посредством обманного способа хищения можно похитить значительные суммы денежных средств и иного имущества. В-третьих, совершать мошенничества намного безопаснее. Если мошеннику не удастся убедить потерпевшего передать деньги, то, вероятнее всего, этим всё и завершится, без обращения потерпевшего в правоохранительные органы. В случае регистрации заявления о преступлении вероятность отказа в возбуждении уголовного дела по факту мошенничества значительно выше, чем по факту кражи, грабежа или разбоя. В-четвертых, похищенное имущество скрывается, оформляется на родственников или подставных лиц. Отбыв наказание, виновный практически получает возможность использовать это имущество, не возмещая ущерб [7, с. 43-45].

На этом фоне законодатели, правоведы и правоприменительные органы в пределах своей компетенции пытаются совершенствовать возможности противодействия данному посягательству. Так, Федеральный закон от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (далее УК

РФ) усилил наказание за мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3), заменив арест, который в настоящее время не применялся, лишением свободы на срок до трех лет. Этим же законом в ч. 3 ст. 159.6 УК РФ добавлен квалифицированный состав «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств» (санкция осталась без изменения). До этого 30 ноября 2017 г. было принято Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ППВС) № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», которое признало утратившим силу одноименное ППВС от 27 декабря 2007 года № 51. Основным отличием нового постановления стало разъяснение применения специальных норм мошенничества (ст. 159.1-159.6 УК РФ), введенных в уголовный закон в ноябре 2012 г.

Однако остальная трактовка признаков хищения в форме мошенничества в ППВС от 2017 г. № 48 осталась практически без изменений. Следовательно, соответствующее разъяснение проблем квалификации данного посягательства и конкретного уточнения его признаков остается в настоящее время актуальным для правоприменителя.

Вместе с тем проблема эффективной борьбы с мошенничеством непосредственно связана со сложностями квалификации данных преступлений. Так, в работе органов предварительного следствия возникают затруднения, связанные с указанием в ст. 159 УК РФ способов совершения мошенничества: обмана или злоупотребления доверием. Несмотря на то, что буквальное толкование нормы, а именно употребление в ее тексте союза «или», фактически исключает одновременное присутствие обоих способов при квалификации преступления и

описании его объективной стороны в практике судов встречаются решения по делам о мошенничествах, где среди действий виновного лица указаны и обман, и злоупотребление доверием [14, с. 57-58].

В ППВС № 48 разъясняются рассматриваемые способы, сохранившие предыдущее их понимание, как самостоятельные и не взаимоисключающие друг друга. В нем отличительным моментом злоупотребления доверием от обмана является использование доверительных отношений с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам. Доверие может быть обусловлено различными обстоятельствами, например служебным положением лица либо его личными отношениями с потерпевшим (п. 3 ППВС № 48).

В п. 2 ППВС № 48 дается понимание обмана: способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество, который может состоять в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях, направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение. В науке уголовного права данный обман условно делится на активный – сознательное искажение истины и пассивный – умолчание об истине, состоящее в сокрытии фактов или обстоятельств, которые при добросовестном и соответствующем закону совершении имущественной сделки должны быть сообщены.

Возникает вопрос, а что при использовании доверительных отношений с жертвой мошенничества отсутствует обман (ложь, неправда, введение в заблуждение, нарушение обещания)? Ответом может послужить справедливое замечание профессора А. Кибальника о том, что смысл мошеннического злоупотребления доверием, в конечном итоге сводится к обману, но этот обман обладает определенной спецификой. Характеристика употребления «во зло» доверием со стороны потерпевшего лица посредством использования близости личных отношений либо «авторитетности» служебных отношений обладает высокой степенью правовой неопределенности (эти обстоятельства весьма расплывчаты и не могут быть универсальным мерилем характера доверия, которым злоупотребляет виновный) [4, с. 62].

С другой стороны, отсутствие убеждения владельца (уполномоченного им лица) в наличии законных оснований у «контрагента» на получение передаваемой им вещи (права) объективно исключает наличие признаков мошенничества. Тем самым есть все основания говорить о возникновении доверительных отношений между сторонами во всех случаях, когда обман достиг своей цели [14, с. 58]. Кроме того, в правоприменительной деятельности при определении способа совершения мошенничества приоритетная роль отводится обману, который лежит в основе действий виновного по введению в заблуждение потерпевшего. Например, судом в

мотивировочной части апелляционного определения было указано, что «между злоупотреблением доверием и обманом не существует принципиального различия» [12].

В то же время трудно согласиться с правоведами, утверждающими, что обман и злоупотребление доверием являются самостоятельными способами мошенничества. Ссылаясь на понятие «доверие», что это вера в честность, искренность, добросовестность, хорошие намерения другого человека, делается вывод: «при использовании доверительных отношений для изъятия денежных средств у потерпевшего в свою собственность мошеннику не требуется применять обман. В данном случае достаточно только злоупотребление доверием» [2, с. 32-33]. С точки зрения психологии поведения человека, очевидно, что в результате потери веры потерпевшего в честность лица, виновного в мошенничестве, заложено предательство доверительных отношений, связанных с обманом.

Проведенный анализ вышеуказанных позиций позволяет сделать вывод, что доверительные отношения, связанные со служебным положением лица либо его личными отношениями с потерпевшим, используются как обстоятельство, создающее объективные условия при которых совершатся обман. В данном случае данное «обстоятельство» не является альтернативным способом хищения, предусмотренного ст. 159 УК РФ. Его, например, можно считать специфичным приемом объективной стороны мошенничества, направленным на облегчение обмана лица, находящегося в доверительных отношениях с виновным.

Таким образом, для единого правового понимания и обоснованной квалификации мошенничества следует, по мнению авторов, в диспозиции ч. 1 ст. 159 УК РФ оставить один способ хищения чужого имущества – обман, и дать соответствующее разъяснение этого признака в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ. Например, обман как способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество может состоять в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях, направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение, а также в злоупотреблении доверием. Там же представить трактовку злоупотребления доверием как намерения не исполнять договорные обязательства, целью которого является обращение чужого имущества в свою пользу или пользу третьих лиц либо незаконное получение права на такое имущество [4, с. 63].

Обращает на себя внимание и тот факт, что у мошенничества не может быть признаков, которых нет в легальном определении хищения, представленным в примечании 1 к ст. 159 УК РФ [5, с. 63]. Например, в п. 26 ППВС от 2017 г. № 48 сказано: «при решении вопроса о виновности лиц в

совершении мошенничества ... суды должны иметь в виду, обязательным признаком хищения является наличие у лица корыстной цели, то есть стремления изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание других лиц, круг которых не ограничен».

В примечании 1 к ст. 159 УК РФ говорится об изъятии и (или) обращении чужого имущества в пользу виновного или других лиц. Сравнение указывает на противоречие, где, в частности, цель мошенничества: *распорядиться указанным имуществом как своим собственным*, отличается от цели понятия хищения: *обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц*. Вместе с тем передача данного имущества «в обладание других лиц» не равнозначна его передаче «в пользу других лиц». Поэтому, по справедливому замечанию С. Кочои, вышеприведенные разъяснения ППВС нуждаются в уточнении [5, с. 63].

Данные разночтения, прежде всего, связаны с тем, что законодатель не дал четкого определения (понимания) корыстной цели, как признака субъективной стороны состава преступления. Это обстоятельство является причиной того, что в настоящее время существует правовая неопределенность в понимании корыстной цели как конструктивного признака хищения, вследствие чего судьи зачастую вынуждены принимать решение о наличии или отсутствии в действиях лица состава хищения основываясь не на четких предписаниях закона, а на основе своих личных представлений о корыстной цели или даже интуитивно [1, с. 7].

В теории уголовного права существует три подхода к пониманию корыстной цели: узкий, когда под корыстью понимается стремление личного обогащения; усеченный – извлечение материальных выгод лично для виновного, близких ему лиц либо соучастников хищения; широкий – стремление виновного противоправным путем получить реальную возможность владеть, пользоваться и распоряжаться чужим имуществом как своим собственным, а равно незаконно извлечь иные выгоды имущественного характера для себя или других лиц. На практике применяется узкий подход, а с усеченным подходом иногда возникают сложности [8].

Принятое разъяснение ППВС от 2017 г. № 48 в вышеуказанном п. 26 указывает на применение широкого понимания корыстной цели, указывая на неограниченный круг иных лиц. Однако широкий подход, во-первых, фактически нивелирует корыстную цель как признак состава преступления, поскольку любое стремление распорядиться имуществом как своим собственным можно уже приравнять к корыстной цели; во-вторых, оставляет открытым вопрос о том, может ли изъятие и обращение имущества в пользу других лиц вообще когда-либо признаваться совершенным без корыстной цели [3, с 51]. Об этом свидетельствуют и исследования, в которых было установлено, что в

79,3% мошенничеств похищаемое имущество обращалось непосредственно в пользу виновного. В 19,4% мошенничеств имущество обращалось виновным в пользу посторонних лиц, но виновный при этом извлекал личную материальную выгоду [9, с 146].

Интересным в данном случае является мнение правоведов, что корректнее было бы определить корыстную цель как стремление обогатить соучастников, близких родственников близких лиц, а равно иных лиц, в обогащении которых виновный по каким-либо личным причинам заинтересован (например, с которыми виновный находится предпринимательских или иных имущественных отношениях непосредственных руководителей, сотрудников контролирующих и надзирающих органов) [6, с 35].

Вместе с тем в уголовном законе нет единого подхода к определению корысти, связанного с совершением общественно-опасного деяния. Законодатель представил данное определение в следующих вариантах: из корыстных побуждений (п. «з» ч. 2 ст. 105, 126, 206, ст. 153-155); корыстная цель в хищениях; из корыстной заинтересованности (ч. 1 ст. 181, ч. 3 ст. 183, ч. 1 ст. 285, 285.4, 292, ч. 3 ст. 299). Из ППВС следует, что убийство из корыстных побуждений – это убийство, совершенное в целях получения материальной выгоды для виновного или других лиц или избавления от материальных затрат (п. 11) [10]. Под корыстной заинтересованностью понимается стремление должностного лица путем совершения неправомерных действий получить для себя или других лиц выгоду имущественного характера (п. 16) [11].

Данные разъяснения указывают на то, что в основе указанных «побуждений» и «заинтересованности» лежит доминирующий корыстный мотив (внутреннее побуждение к обогащению), как обязательный субъективный признак состава преступления. Общеизвестно, что мотив и цель посягательства неразрывно объединены и взаимно обусловлены (мотив характеризуется потребностью преступления, а цель свидетельствует о направленности действий). Поэтому в мошенничестве и других формах хищениях заложен корыстный мотив, а не цель. Именно этот мотив побуждает противоправно получить материальную выгоду и это становится причиной хищения, связанного с его целью – завладеть чужим имуществом.

Таким образом, следует внести изменения в понятие хищение (п. 1 примечания к ст. 158 УК РФ), направленные на замену слов «корыстной целью» на «корыстным побуждением». С учетом толкования корысти как мотива преступления, а также для корректного содержательного понимания корысти при совершении мошенничества путем передачи похищенного имущества в обладание других лиц, круг которых не ограничен, необходимо дать соответствующее разъяснение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. №

48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

В заключение следует отметить, что мошенничество остается наиболее распространенным преступлением против собственности. Анализ судебно-следственной практики указывает на серьезные проблемы, связанные с квалификацией

данного общественно-опасного деяния. В настоящей работе мы обратили внимание только на некоторые актуальные вопросы квалификации объективной и субъективной стороны мошенничества, требующих своего решения, как на законодательном уровне, так и в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ.

Библиографический список

1. Архипов, А. Корыстная цель как признак хищения [Текст] / А. Архипов // Уголовное право. – 2016. – № 1. – С. 4-8.
2. Бельский, А. И., Ягодин Р. С. Уголовно-правовая характеристика мошенничества, совершаемого с использованием банковских карт Сбербанка России посредством услуги «Мобильный банк» [Текст] / А.И. Бельский, Р. С. Ягодин // Российский следователь. – 2018. – № 5. – С. 29-33.
3. Есаков, Г. Корыстная цель в хищении и новое постановление пленума о судебной практике по делам о мошенничестве [Текст] / Г. Есаков // Уголовное право. – 018. – № 1. – С. 47-52.
4. Кибальник, А. Квалификация мошенничества в новом Постановлении Пленума Верховного Суда РФ [Текст] / А. Кибальник // Уголовное право. – 2018. – № 1. – С. 61-67.
5. Кочои, С. Нормы УК РФ о мошенничестве: проблемы применения и способы их разрешения [Текст] / С. Кочои // Уголовное право. – 2015 – № 5. – С. 63-68.
6. Ответы кафедры уголовного права и криминалистики факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» на вопросы, представленные для обсуждения в ходе конференции 23 апреля 2015 г. [Текст] // Уголовное право. – 2015. – № 5. – С. 35-44.
7. Петров, С. Совершенствование правовых способов борьбы с мошенничеством [Текст] / С. Петров // Законность. – 2018. – № 9. – С. 43-47.
8. Петров С. А. Корыстная цель в хищениях [Электронный ресурс] / С. А. Петров – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>, свободный.
9. Петров, С. А. Хищение чужого имущества или приобретение права на него путем обмана: уголовно-правовая оценка и совершенствование правовой регламентации: дис. ... канд. юрид. наук. [Текст] / С. А. Петров. – Калининград, 2015. – 262 с.
10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (в ред. от 03.03.2015) // Правовая справочно-информационная система «Гарант».
11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Правовая справочно-информационная система «Гарант».
12. Приговор Усольского городского суда Иркутской области по уголовному делу № 1-30/2013 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://usolsky.irk.sudrf.ru>, свободный.
13. См.: Генпрокуратура назвала мошенничество одним из самых распространенных видов преступлений [Электронный ресурс] / ТАСС. – Режим доступа: <http://tass.ru/proisshestviya>, свободный.
14. Шергин Р. Сложности квалификации мошенничества [Текст] / Р. Шергин // Законность. – 2018. – № 8. – С. 57-59.

References

1. Arhipov A. *Korystnaya cel' kak priznak hishcheniya* [Mercenary purpose as a sign theft] / A. Arhipov // Uголовное право. 2016. 1, pp. 4-8.
2. Bel'skij A. I., YAgodin R. S. *Ugolovno-pravovaya harakteristika moshennichestva, sovershaemogo s ispol'zovaniem bankovskih kart Sberbanka Rossii posredstvom usluzhi «Mobil'nyj bank»* [Criminal law characterization of fraud committed using Bank cards of Sberbank of Russia through the service "mobile banking"] / A. I. Bel'skij, R. S. YAgodin // Rossijskij sledovatel'. 2018. № 5, pp. 29-33.
3. Esakov G. *Korystnaya cel' v hishchenii i novoe postanovlenie plenuma o sudebnoj praktike po delam o moshennichestve* [Mercenary purpose of theft and a new plenum on judicial practice in cases of fraud] / G. Esakov // Uголовное право. – 018. № 1, pp. 47-52.
4. Kibal'nik A. *Kvalifikaciya moshennichestva v novom Postanovlenii Plenuma Verhovnogo Suda RF* [Qualification of fraud in a new decision of the plenum of the Supreme Court of the Russian Federation] / A. Kibal'nik // Uголовное право. 2018. № 1, pp. 61-67.
5. Kochoi S. *Normy UK RF o moshennichestve: problemy primeneniya i sposoby ih razresheniya* [The norms of the CRIMINAL CODE on fraud: application problems and ways to resolve them] / S. Kochoi // Uголовное право. – 2015 – № 5, pp. 63-68.

6. *Otveti kafedry ugovnogo prava i kriminalistiki fakul'teta prava Nacional'nogo issledovatel'skogo universiteta «Vysshaya shkola ekonomiki» na voprosy, predstavlenye dlya obsuzhdeniya v hode konferentsii 23 aprelya 2015 g.* [The responses of the Department of criminal law and Criminology, Faculty of law, national research university higher school of Economics, on the issues presented for discussion at the April 23, 2015 Conference] // *Ugolovnoe pravo*. 2015. № 5, pp. 35-44.
 7. Petrov S. *Sovershenstvovanie pravovykh sposobov bor'by s moshennichestvom* [Improvement of legal ways to fight fraud] / S. Petrov // *Zakonnost'*. 2018. № 9, pp. 43-47.
 8. Petrov S. A. *Korystnaya cel' v hishcheniyah* [Mercenary purpose of embezzlement] / S. A. Petrov – *Rezhim dostupa*: <http://www.consultant.ru>, svobodnyj.
 9. Petrov S. A. *Hishchenie chuzhogo imushchestva ili priobretenie prava na nego putem obmana: ugovno-pravovaya ocenka i sovershenstvovanie pravovoj reglamentatsii: dis. ... kand. jurid. nauk* [Stealing other people's property or the acquisition of rights by fraud: criminal-legal assessment and improvement of legal regulation] / S. A. Petrov. – Kaliningrad, 2015, 262 p.
 10. *Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federatsii ot 27 yanvarya 1999 g. № 1 «O sudebnoj praktike po delam ob ubijstve (st. 105 UK RF)»* (v red. ot 03.03.2015) // *Pravovaya spravочно-informatsionnaya sistema «Garant»*.
 11. *Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federatsii ot 16 oktyabrya 2009 g. № 19 «O sudebnoj praktike po delam o zloupotreblenii dolzhnostnymi polnomochiyami i o prevyshenii dolzhnostnykh polnomochij»* // *Pravovaya spravочно-informatsionnaya sistema «Garant»*.
 12. *Prigovor Usol'skogo gorodskogo suda Irkutskoj oblasti po ugovnomu delu № 1-30/2013* [EHlektronnyj resurs] – *Rezhim dostupa*: <http://usolsky.irk.sudrf.ru>, svobodnyj.
 13. Sm.: *Genprokuratura nazvala moshennichestvo odnim iz samykh rasprostranennykh vidov prestuplenij* [EHlektronnyj resurs] / TASS. – *Rezhim dostupa*: <http://tass.ru/proisshestiya>, svobodnyj.
 14. SHergin R. *Slozhnosti kvalifikatsii moshennichestva* [The complexity of the skills of fraud] / R. SHergin // *Zakonnost'*. 2018. № 8, pp. 57-59.
-

PROBLEMS OF QUALIFICATION FRAUD

Anatoliy N. Khomenko,

Associate Professor, Siberian Institute of Business and Information Technologies

Natalia A. Cheremnova,

Senior Lecturer, Omsk academy of the RF Ministry of Internal Affairs

Abstract. Fraud is the most profitable criminal among all forms of theft and tends to grow. The current practice in the application of norms of the criminal legal protection of property relations is sufficiently recognized successful. In practice, however, difficulties the qualification of the offences under art. 159 of the CRIMINAL CODE related to interpretation and clarification of the objective and subjective signs of fraud. Relevant to regarded remain, firstly, competition two ways this Act: fraud and abuse of trust, which in forensic activities causes legal uncertainty in choosing one of them. Secondly, attention is drawn to the fact that fraud may not be signs that are not in the legal definition of theft. It is, first of all, relates to understanding selfish purpose. Often, judges are forced to make a decision on whether or not the actions of a person the whole fraud is not the clear requirements of the Act and on the basis of their personal views on selfish goals or even intuitively. The aim of the research is to develop proposals to improve the criminal-law measures aimed an effective fight against fraud. Mostly made of the dogmatic method research aimed at exploring the legal concepts of criminal law.

The authors of the article concluded: 1) breach of trust is not an alternative way of theft when committing fraud; 2) subjective symptom, including theft and fraud, did not lie mercenary goal, selfish motive, as the internal motivation for enrichment.

Key words: fraud, criminal law, theft, the way sign, deception, abuse of trust, purpose, skills, possessions.

Сведения об авторах:

Хоменко Анатолий Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент факультета очного обучения НОУ ВПО «Сибирский институт бизнеса и информационных технологий» (644116, РФ, г. Омск, ул. 24 Северная, д. 196, корп. 1), e-mail: an.homenko65@mail.ru.

Черемнова Наталья Александровна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права Омской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации (644092, Российская Федерация, г. Омск, пр-т. Комарова, д. 7), e-mail: zeremnowa@list.ru.

Статья поступила в редакцию 22.11.2018 г.